– Сразу видно: из деревни!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Тема С. ПОПОВА (г. Новосибирск), поступившая на конкурс.

КРОКОДИЛ

№ 28 • ОКТЯБРЬ 1973

НУЖНОЕ ПОДЧЕРКНУТЬ

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

Крупный город, сообщим вам, очень во всем преуспел. Невероятно споро варит он сталь, расчленяет на антрекоты свинью, заводит дома «Стауслуг» — всяких, от первой помощи до последнего долга,— любо-дорого строит, выпестовывает ансамбли невероятной гармонии класса «Орэра» и «Ярославские ребята».

Словом, большой молодец большой город, и специалисты там высшего класса.

Однако наряду с городами-гигантами есть малые населенные пункты. И, например, в Циммермановке население думает: как перенять в производстве методики крупного города? Как пойти в ногу с передовым звеном? Чтобы на том же уровне экономить авторезину, бросать мусор в урны, точить металл с наименьшим отходом?

И тут крупный город, пока Циммермановка кусает ногти и вхолостую мозгует, идет ей на помощь. Город шлет на места молодых прогрессистов, до корней волос напичканных знаниями. И сразу Циммермановка подтягивается на качественно иную ступень, и на станции Цементный гигант загибается вверх культура (даже в том, товарищи, отношении, что спрос на виноградные вина возрастает в ущерб слезоточивым напиткам).

Ну, вроде бы все замечательно.

Однако в отношения крупных центров с трудолюбивой окраиной встревает и порочная практика. И пока она всего лишь зачаточна, годна для удушения вручную, бросимся ее придушить.

...Теперь возьмем смелость сказать, что знатен в Армавире завод резино-технических изделий. Швы в бетонных стенах домов уплотняет его продукция. На чемпионаты СССР по футболу во всех лигах идет его продукция—камеры для мячей. Сиденья для быта и транспорта — это тот же завод. И была на заводе такая мысль, что не худо бы вскрыть резервы, еще лучше работать.

Под этот благородный порыв московский Центр научной организации труда НЕФТЕХИМа обещал прислать прогрессистов-ученых.

Ах, как готовились на заводе к встрече! Не только костюмы — руководство выгладило даже ботиночные шнурки. И в майскую теплынь из вагона вышел разнополый десант прогрессистов во главе с товарищем Бойко.

Светлые головы разместились в лучших номерах общежития. И под термины «сверхзадача», «мозаичное движение», «пустографки вам — не графоячейки» многообещающе шла беседа. Ведь какие запутанные узлы разрубали соседние предприятия с помощью таких вот групп из Москвы, Ленинграда, а теперь и резины прогресс коснется!

В радостном смятении расходились заводские руководители по домам:

— Зреют дела!

— Ум — хорошо, а московский — лучше.

— На одном машинописном бюро сэкономим в год 50 000!

— А почему женщины научные курят так много?

— Ортодокс вы, Шамуилов, истинный ортодокс. Ну и что же, что курят? Стимулируют плодотворную научную мысль.

— Провинциализм нас заедает. Вот хоть те же гульфики взять. У нас на пуговицах, как баян, а столица на «молнии» носит, видели? Каждому инженеру приспособить гульфик такой — сколько времени выкроится для прямого служебного дела!

В волнении, готовые к нелицеприятной критике, пришли утром на службу заводские начальники. Но ни в десять часов, ни опосля не пожаловали в цеха гости. Их женская часть сразу отбыла освидетельствовать качество Черного моря. Мужская же? Через неделю к ней в номера почтительно поцарапался комендант. Отзвука не было. Комендант грубо толкнулся плечом — на замке.

— Видчиняйте! — сказал он подручным. И когда видчинили, глазам предстала беда. Даже мальчик со следственной стрункой сказал бы, что техническая интеллигенция постелей тут не стелила, спала пещерно, вповал. Валялась стеклотара и растерзанный когтями пернатый (индюк). Все было изгажено продуктами жизнедеятельности человека. Прогрессисты отбыли. И не сэкономило руководство 50 000 на машинописном бюро, а как раз предстояло уплатить 40 000 за визит лихих людей, у которых, кроме московской прописки, ничего общего не было с честью столичной марки.

Правда, тут же и прибыл заместитель директора ЦНОТа, обходительный А. И. Рофе.

— Пьянству — бой! — заверил он заводчан.— Мы уволили пьяниц, марающих звание столичного инженера. Мы наладим новые отношения с периферией.

В свете этих вот заверений посетил инженер Собаченков завод со товарищи. Много сотен часов провели в цехах корифеи. Не пили. И во что же вылился их трезвый визит? А в три толстых, породистых тома.

В томах были выводы: настольные календари повышывыривать, внедрить оргблокноты. Да не те, что дает московская фирма «Восход», а другие, а-ля Собаченков, где уширено в графах «позвонить», «нужно быть». И страницы чтоб разные: отрывные, гладкие, линованные, из миллиметровки, из логарифмической бумаги и кальки — для всех нужд инженера. (А туалетная? Забыли, забыли!) И обложки навесить утяжеленные, чтобы не крали, варвары, деловые блокноты в быт. Ввести такие блокноты — и дело крепко подскочит.

И в других томах академизыскания (переплет тяжелый, чтоб не украли) других несколько рекомендаций, как то: куда в пишмашинку закапывать масло для вящей исправности (сроду не знали они в Армавире, куда его капать, посуют квач с дегтем в машинку — и все), как обклеивать дырки от дырокола бумажным кружочком и вообще...— «в небольшую доску вбиваются два острых гвоздя»...

Завод нехорошо засмеялся.

— Мон шер Собаченков,— подступил завод к прогрессисту,—два гвоздя мы найдем и вбить сумеем, а что же в ваших трудах анализа и рекомендаций нет? А то, что земля — шар, а вода — пар, мы знаем без вас. Не туземцы.

Но ничего не ответил на пошлые притязания, на попытки приземлить высокий академизм до вульгарных нужд производства человек с гвоздем и уехал.

И проскакивает, прошмыгивает какое-то даже феодально-байское отношение светлой головы прогрессиста к нецентральным просьбам и нуждам. То тут, то там высаживаются группы светлых голов, кладут ногу на ногу, чертя сигаретой в пространстве:

— Ловейко учил... Крылатость консолей... Эро Сааринен...

— Товарищ,— говорит архитектор небольшого населенного пункта.— Я учил про Сааринена. Сааринен — гений. Но привяжитесь к нашим условиям, для того вы приехали! Не проспект Калинина строим, не сэшэавское консульство в Дели—больничный комплекс на семьдесят коек. Как лучше, наряднее возвести его для людей на районные средства? Вот подскажите.

Ах, не проспект и не консульство? И не на грани фантастики? И бескрылость консолей? И средства районные? Тогда держите из двух пальцев листок: проект столыпинского типа избушки. Арриведерчи! Чао, районный Растрелли!

Глумливо? Конечно.

Обидно? До слез.

Унизительно? Да. Но у светлой головы точка зрения: местность далекая, тут сойдет. И ставит он галочку, большую, как коршун: мы — помогли.

Бегло: есть в стране Барнаул. В Барнауле гортранспорт. Работает путано. «Гипрокоммундортранс» Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР — Барнаулу: вы нам 40 000 рублей, мы вам своих прогрессистов. Они спланируют. Вы заживете.

Деньгу перечислили. Прогрессисты явились. Спустили в массы тысячи «АНКЕТ ОБСЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕЙ ПОДВИЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ». Укажите пол, возраст, образование, почтовое отделение дома и службы, пятое-десятое, сотое... Нужное подчеркнуть.

И еще как подчеркивали. Барнаульцы, измученные гортранспортом, уткнулись носом в анкеты. Кому-то верилось в серьезность намерений «Гипрокоммундортранса». Вон ведь как, досконально указывай, даже «продолжительность передвижения, включая пешее (от двери до двери в минутах)».

Сильно, добросовестно горожане корпели. Некоторые женатые подошли настолько серьезно, что вносили в анкету много лет неизвестные женам маршруты.

Ну, заполнили, а кому же сдавать? Нету кому. Одним словом, «граждане провожающие, не остались ли у вас билеты отъезжающих?» В родные края отбыли светлые головы, даже не собрали в массах анкет, уже год институт ни гу-гу.

Бесстыдное, дерзкое хулиганство! Но то ли еще можно сделать с глубинной народностью! Бегло: живет под Днепропетровском М. Л. Болотный. И вот выражает оптически Козинцев точку зрения Гамлета, и Болотный хочет свою передать, для чего намерен купить фотоаппарат «Пентакон». Но прежде чем тратить большие деньги, затеял Болотный изучить проспект аппарата. А тут как раз широко рекламируют себя производственные мастерские Государственной публичной научно-технической библиотеки СССР:

— Это мы, мы вышлем проспекты!

Москвичу, конечно, этот проспект в руки не дали (как не дают смотреть отдельные фильмы, поставленные словно нарочно для многогодового проката и угнетения психики жителей гдетошнего населенного пункта). Даже самый умеренный в поступках москвич, взяв булыжник, за такой проспект перебил бы все стекла. А далекому жителю — за милую душу. Цена пристойная — восемь рублей. Да пошто ж так много? А много так потому, что вдруг он, Болотный,— болгарин или германоязычный? Оттого прилагается ему, помимо русского, на двадцати пяти листиках текст: «Уред за копиране на диапозитиви. Като допълнение на меховите наставки».

Прилагаются также снимки, шестьдесят шесть листов. Они должны убедить Болотного, как хорошо иметь «Пентакон», но все же не убеждают. Потому что то ли осадки выпали на фотобумагу, то ли снято тут все через мыло с прилипшими к нему волосами, но дают снимки простор толкованиям. Если всмотреться — балет и адажио, но сходно также с культурой бактерий, и любой тяни снимок — то ли случка медведей в дубраве, то ли хлопок грузят в порту.

Механика нехитра: в мастерских скопился запас фотобумажной гнили, и мысль осенила: периферия все слопает.

Но не то, чтобы лопать,— она не хочет и нюхать.

Так что же это, товарищи ИТР из крупного города, за отношение к нестолицам? Почему такая компрометация столичной славы? За кого вы чтите организации и граждан других местностей?

В анкетном порядке что это: высокомерие, почитание неземляков идиотами, хулиганство?

Нужное подчеркнуть.

Барнаул — Армавир — Москва.

— Наш отдел работает над несколькими проблемами одновременно.

Рисунок Б. САВКОВА

«МОЗГОВАЯ КОСТОЧКА»

Прежде всего хотелось бы отметить, что автор этой книги Андрей Кучаев очень любит детвору и знает ее. Недаром его сборник рассказов «Мозговая косточка», вышедший в издательстве «Молодая гвардия», начинается с раздела «Из записок несовершеннолетних». Конечно же, это рассказы не для детей, а для взрослых.

Затем хотелось бы подчеркнуть, что рассказы Андрея Кучаева, вошедшие в другой раздел, собственно, «Мозговую косточку», отличает язвительная непримиримость к хамству, равнодушию.

И, наконец, желательно обратить внимание на то, что, хотя имя автора уже знакомо читателям по выступлениям в «Крокодиле», книжка «Мозговая косточка» — его дебют.

«С ЖИТЕЙСКОГО ПОЛЯ»

Так называется новая книга сатирических стихов украинского поэта Степана Олейника, вышедшая в издательстве «Радянськнй письменник». Прочитав ее, вы поймете, почему «Сатирик равен хлеборобу», узнаете, что делается «На пляжах, курортах...», как себя вести, если «Вы зашли в ресторан...», какие чудеса происходили, когда «Шел автобус в Полтаву», получите «Интервью в магазине» и узнаете еще много интересного и поучительного.

Игорь ТАРАБУКИН

РОМАНТИКА

У Пал Палыча на стройке —
Невпродых и невпролаз...
У Пал Палыча на стройке —
Трудовой энтузиазм!
При его больших заботах
Люди подвиги творят,
И глядят с доски почета
Тридцать три богатыря.
Те, что стены подымали
Сверхурочно, на «ура»,
Потому что стройдетали
Им забросили... вчера.
Накануне крыли крышу,
А потом — наоборот...
Потому что где-то вышел
Непредвиденный просчет.
То ль не ту спустили смету,
То ль в проекте был изъян...
Несмотря на все на это,
Перевыполнили план!
А когда на стройке спьяну
«Захворал» столярный цех,
Три старательных Степана
Обеспечили успех.
В новостройке, может, где-то
И отыщется дефект,
Но при всем при том при этом
Сдали вовремя объект!
И заметили три брата,
Утирая крупный пот:
— До чего у нас, ребята,
Героический народ!

г. Свердловск.

МИМОХОДОМ

Если кормить змею медом, будет ли яд слаще?

●

Не каждое пугало годится для работы на огороде.

●

Бескорыстие очень часто напоминает мелочь, которую дают официанту на чай.

●

Банальная мысль отличается от оригинальной только возрастом.

●

Изобретение денег положило начало безденежью.

●

Почему бы и не поговорить о вреде курения, витая в облаках табачного дыма?

●

Молоть вздор гораздо легче, чем кофейные зерна.

●

Два дурака хорошо, один лучше.

Л. НЕФЕДЬЕВ.

Обсуждению не подлежат

В доме отдыха «Кумышкан» (Ташкентская область) отдыхающий лишен некоторых свобод. «Правила поведения» здесь гласят:

«Вопросы, связанные с оперативной деятельностью дома отдыха, обсуждению со стороны отдыхающих не подлежат, и никакие собрания по указанным вопросам не могут иметь места».

А между тем стоит человеку вступить на территорию «Кумышкана», как у него сразу появляется желание произносить всякие критические слова в обществе себе подобных.

И, конечно, письмо в «Крокодил», в котором один из отдыхающих подверг обсуждению «оперативную деятельность дома отдыха», следует, наверное, рассматривать как вопиющее нарушение «Правил». Поэтому на всякий случай фамилию автора сохраняем в тайне. Тем более что он сам просит не называть его.

Этот отдыхающий был полноправным членом профсоюза и привык резать правду-матку как на собраниях, так и в рабочем порядке. И до сих пор с таким беспардонным зажимом критики не сталкивался. А столкнувшись, буквально захворал.

А кумышканские «порядки» так и тянули высказаться. Начнем с того, что, прибыв в дом отдыха, автор письма не смог найти дежурную по корпусу и первую ночь коротал на голом матрасе. Корпуса́ не отапливались, было холодно, было грязно и неуютно. Ранним утром все вскочили от душераздирающего вопля. Это молочница из местных жителей рекламировала свой товар. В часы бодрствования никто не охватывал отдыхающих увеселительными мероприятиями. Веселье исходило от торговой точки, где выдавался напрокат стакан.

И вот, не имея права на критическое высказывание, автор письма пошел на демонстративный жест — после двухдневного пребывания в доме отдыха он попросил паспорт.

— Как, вы хотите уехать домой, не отбыв срока? — возмутился заместитель директора. — Но ведь тем самым вы провоцируете остальных. Следовательно, ваш жест, хотя и косвенно, вступает в противоречие с «Правилами». И потому выдать паспорт не можем.

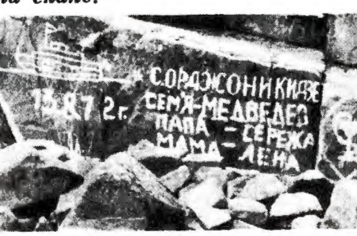
И не выдал. Пришлось ехать в Ташкент и через профсоюзные сферы добиваться паспорта и неиспользованной путевки.

Кстати, путевку он приложил к письму. С тем, чтобы по ней поехал какой-нибудь наш сотрудник. Но такого желания в редакции никто не проявил: слишком уж суровы «Правила поведения».

Э. ПОЛЯКОВ.

Чудо дрессировки

Танцующие медведи, медведи-хоккеисты, медведи на проволоке — все это вчерашний день! Перед нами уникальная афиша на скале:



Чудо дрессировки!!! Пишущие медведи! Целая семья! Папа — Сережа! Мама — Лена! Только один раз в сезоне!

Труппа прибыла теплоходом «Орджоникидзе» на остров Валаам. Хотелось бы узнать, в каком направлении удивительные артисты отбыли.

Ирина КМИТ.

КОМАРЫ И БИГУДИ

Комар для городского жителя, к примеру, столичного — редкость. Бывает, стоит на своей лоджии житель 42-го квартала и слышит жужжание.

— Вовик! Вовик! — зовет он сумасшедшим голосом ребенка.— Смотри, кто прилетел?! Комарик прилетел!

Хочется ему, чтобы ребенок изучал флору и фауну.

А иногда даже подставит городской житель грудь под укус, чтобы похвастаться на работе:

— Ах, знаете, мы прямо как в лесу живем! У нас там комары летают!

— Значит, воздух чистый,— завидуют сослуживцы.

Поэтому, когда приходит городской житель в галантерейный магазин, то с удивлением смотрит на красивые флакончики типа «Тайга», «Ангара», «Геолог», которые убивают комаров насмерть.

— Чего их убивать-то? — недоумевает он и просит продавщицу дать ему десяток бигуди.

— Пожалуйста,— говорит продавщица.— Возьмите флакончик. Комаров убивает насмерть.

— Да мне их жалко,— конфузливо говорит городской житель.

— Тогда мазь для кирзовых сапог.

— У меня их нету,— стесняется своих штиблет покупатель.

Зато другая картина за тысячи километров. К примеру, где-нибудь в Бурейском районе, Амурской области, прибегает в сельпо охотник Василий. Прямо из тайги. Весь черный.

— Дочка! — кричит он.— Дай что-нибудь для защиты. Сил больше нет,— ожесточенно чешет он опухшее от укусов лицо.— Что там на полке стоит?

— Губная помада.

— Так. А еще что?

— Краска для ресниц.

— Да я тебя не про то спрашиваю! — не выдерживает опухший охотник.— Где средства типа «Тайга», «Ангара», «Геолог», которые комаров — насмерть? Где мазь для кирзовых сапог?

— Нету,— отвечает продавщица.— Ни грамма не поступало.

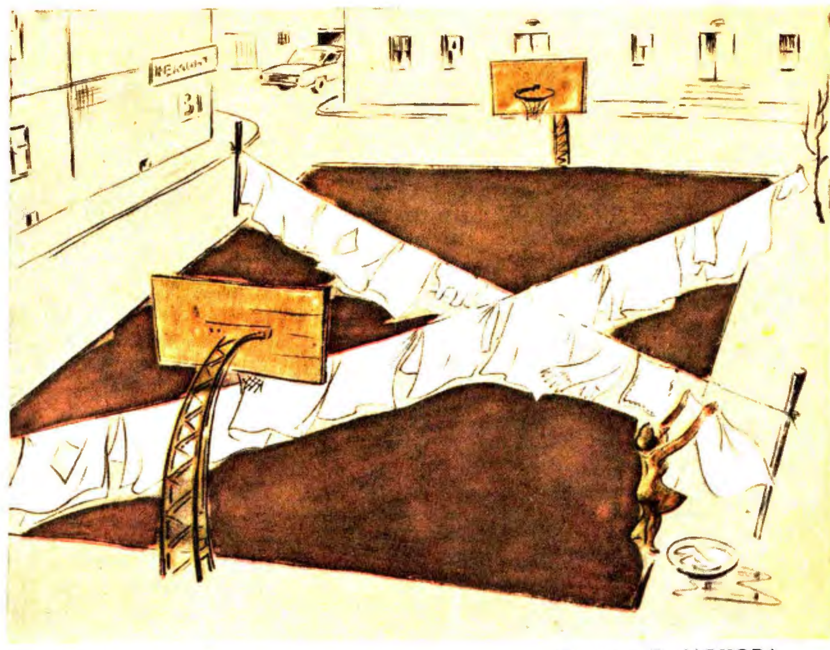
— А что есть? — устало спрашивает Василий.

— Бигуди.

— Ладно, давай ящик,— говорит Василий.— Буду из них дымовушки делать.

Тихо ругаясь, уходит он в тайгу...

С. БОДРОВ.



Поставили крест. Рисунок В. МОХОВА

В ТРИ ПОГИБЕЛИ БЕЗ ГИБЕЛИ

Среди других человеческих пороков пьянство — отнюдь не самый юный, и в борьбе с ним какие только не применялись средства, от скалкой по голове (домашне-семейный вариант) до даровых билетов на концерты симфонической музыки (профсоюзно-чуткий вариант). Однако в этой борьбе были использованы далеко не все возможные способы.

Доказательство — на этом снимке, сделанном мною в конторе Бичурской передвижной механизированной колонны межколхозстроя (Бурятская АССР).

Перед нами дверь с плакатом, бичующим пьяниц, и низкой прорезью для посрамления бичуемых.

Технология посрамления такова. В дни получки дверь навешивается в проеме по соседству с общей выплатной кассой. Субъектам, отличившимся алкогольными проступками, предоставляется возможность получать зарплату через прорезь, согнувшись дугою, либо стоя на коленях.

Зато наряду с определенным моральным ущербом эта хитроумная идея приносит любителям спиртного некоторые удобства. В трезвой очереди стоят час-полтора

(такие здесь милые порядки!), а забулдыга подошел, согнулся, разогнулся — деньги в кармане. Так что вполне можно успеть в магазин до запретного часа.

Д. СНЕТКОВ.

Пороть не перепороть

1 сентября 1972 года в школах страны начался учебный год. Да что там 1972 год! Откровенно говоря, и нынешний учебный год уже успешно шагает по стране.

И школьники неизбежно уселись за парты. Не отстал от них и мальчик по фамилии Иванов из поселка Дружба, Дятьковского района, Брянской области. В этом мальчике-то все и кроется.

В августе прошлого года мамаша заказала ему в Дятьковском комбинате бытового обслуживания новенький школьный пиджак. Обещали сшить к 1 сентября.

Сшили. Но, правда, не к 1 сентября, а в декабре и, правда, довольно-таки наперекосяк.

Ивановы тут же с отвращением вернули пиджак на переделку.

Переделали — тот же результат: школьник Иванов не похож в нем на школьника Иванова, а на... Даже и говорить не хочется, на кого.

И так восемь раз ходили Ивановы на примерку. И хоть фигура у школьника Иванова обыкновенная мальчиковая, но пиджак на нем все равно не вытанцовывается, и никто ума не приложит — почему.

Скандально же. Они и были, эти скандалы, от примерки к примерке. Скандалила, правда, одна мамаша и на полном основании, а сын смущенно помалкивал, потому что школьники скандалам не обучены. Зато школьники имеют склонность к росту. Вот школьник Иванов и рос от примерки к примерке на полном основании.

Задал же он задачку! Ему перекраивают, а он растет себе и в ус не дует.

До сих пор трудятся. Может, и сошьется когда-нибудь школьный пиджачок у дятьковских пошивочников, но только школьник Иванов к тому времени может превратиться в гражданина Иванова и самостоятельно укатить, к примеру, на все двадцать четыре стороны. Ищи его тогда свищи для очередной примерки. Не наобум же пороть!

Е. КТОТОВ.

НОВЫЙ СПОСОБ

В нашем веке уже никого не удивить технической метаморфозой. Ну, скажем, «опилки — доски», «соя — молоко», «синтетика — черная икра».

Работники дома отдыха «Лесники», что в Курганской области, нашли способ превращать книги в ... пиво.

Правда, иногда среди отдыхающих находится серьезный человек, который, подойдя к киоску и прочитав его название, сварливым голосом требует книг и другой информации, но, получив взамен кружку холодного пива, быстро забывает о своем намерении и просит повторить.

А. ИВАНОВ.

Новости культуры

Поутру педагог А., привычно открыв почтовый ящик, обнаружил в нем корреспонденцию. Он начал было читать ее, но тотчас спрятал и испуганно оглянулся: нет ли поблизости женщин? Корреспонденция кричала так нецензурно, такими отборными словами, что в присутствии женщин ее недопустимо было читать даже про себя.

Но А. был мужчиной. Он заперся и, набрав полную грудь воздуха, прочел все. Поскольку же текст был иллюстрирован и иллюстрации по своей выразительности не уступали тексту, он еще раз набрал полную грудь воздуха и все мужественно просмотрел. Почерк анонимного письма показался ему знакомым. Педагог сличил его с почерком подозреваемого хулигана. Все сошлось, и тогда, в третий раз набрав полную грудь воздуха, он зашагал в милицию родного города Горячий Ключ. И оставил там заявление, анонимное письмо и образец почерка.

Прошла неделя. Поутру педагог А. привычно открыл почтовый ящик, но ожидаемого ответа из милиции не обнаружил. Через две недели его тоже не было. И через три... Тогда педагог А. в четвертый раз набрал полную грудь воздуха и лично прорвался на прием к начальнику милиции.

— Бессовестный,— сказал начальник.— А еще педагог. Я хорошо помню присланную вам анонимку. Мы сожгли ее. Не стыдно вам приносить такое в общественное место? Здесь ведь несовершеннолетние бывают.

...Люди высокой культуры работают в милиции города Горячий Ключ. Нецензурщины не переносят они. Педагог А., уловив эту тонкость, искренне порадовался за культуру, но вечерами с тех пор старается избегать глухих улиц. Вдруг местная милиция питает столь же непреодолимую брезгливость не только к словесным хулиганам, но и ко всем другим их разновидностям?

С. ЛОБНЯ.

ОСЕННИЕ СВЕТИЛЬНИКИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ИЗ ЗАЛА — СЮДА!

РАНО ВСТАЕТ ОХРАНА

В. КАНАЕВ

ОШИБКА КАПИТАНА

После ужина начальник Грачевского райотдела внутренних дел капитан милиции В. Ф. Гусаков вышел полюбоваться закатом и оцепенел.

— Что за наваждение! — зажмурившись, воскликнул капитан.— Видно, я переутомился...

На фоне пылающего яркими красками неба он увидел порхающие привидения. Пораженный этим невероятным явлением, Виктор Федорович опрометью помчался на запад.

Однако, подбежав к элеватору, капитан понял, что ошибся. Картина прояснилась...

— Уф-ф, вот это совсем другое дело,— перевел дух В. Ф. Гусаков.— Можно сказать, наше — уголовное...

Капитан рассудил правильно. Дело было и впрямь уголовное. Ведь то, что взмывало в воздух, никоим образом не могло быть порхающими привидениями.

СВОИ ЛЮДИ

После окончания рабочего дня в корпус Спицевского элеватора проникли двое мужчин. Озираясь по сторонам и освещая себе путь фонариками, они бесшумно переступали по цементному полу. Злоумышленники нашли отмеченную условным знаком емкость, открыли задвижку и подставили мешок. Из емкости хлынул поток зерна...

...Сторож элеватора А. З. Савинов уже собирался прикорнуть, как вдруг увидел две сгорбленные под тяжестью мешков фигуры.

— Стой! — испуганно вскинул ружьецо Андрей Захарович.— Кто идет?

— Не шуми, Захарыч,— раздался сердитый голос.— Опусти свою игрушку.

Савинов все еще стоял с ружьем наизготовку, но когда закат осветил лица злоумышленников, сторож опустил руки по швам.

Затем один из мужчин крякнул селезнем, в ответ послышался сигнал автомашины, и злоумышленники стали перебрасывать мешки через забор.

— А ты что от дела отлыниваешь? — упрекнули они сторожа.— Трудовую дисциплину нарушать вздумал. А ну-ка, подсоби!

— Эх, рано встает охрана,— вздохнул сторож, однако принялся усердно помогать злоумышленникам...

ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА

Капитан милиции Гусаков был отличным спортсменом. Он легко взял высоту забора и увидел две метнувшиеся от него фигуры. Виктор Федорович знал, что если за двумя преступниками погонишься, то ни одного не поймаешь. Поэтому он кинулся за менее легким на ногу. А догнав беглеца, капитан удивился еще больше, чем при виде порхающих привидений.

— Ух, да это никак ты, Иван Васильевич? — Он держал за шиворот заведующего корпусом элеватора Еремина.— Значит, воруешь по совместительству? Хорош гусь!

...Второй злоумышленник был тоже важной птицей — механик элеватора Малышев И. М.

— Ну, а ты что же, Андрей Захарович? — стыдил потом капитан милиции сторожа.— Твой хлеб — сторожить хлеб, а ты воруешь...

— Я человек подневольный,— оправдывался сторож ведомственной охраны элеватора.— Я заведующему, Ивану Васильевичу, подчиняюсь. Если начальство приказывает, я слушаться должен. А если бы не подчинялся, можно было и солью пальнуть...

СОРНОСТЬ И ВЛАЖНОСТЬ

Если бы капитан милиции Гусаков не схватил злоумышленников за руку, на элеваторе все было бы шито-крыто. Ведь охрана на элеваторе была ведомственной. А те, в чьем ведении находилась охрана, оказались нечистыми на руку.

Кроме того, семьсот четырнадцать килограммов зерна, которые, увязанные в мешки, перелетели через забор, оказались зеринкой по сравнению с излишками, заготовленными злоумышленниками. Для своей преступной деятельности они засыпали в емкости элеватора тысячу девятнадцать тонн пшеницы и четырнадцать тонн маслосемян. А создавались эти тонны весьма простым способом — за счет обмана сдатчиков, путем завышения процента сортности и влажности.

...Суд, конечно, не принял во внимание слезы, пущенные заведующей лабораторией Шевченко Н. М., чтобы не увеличивать процента влажности. Каждый из злоумышленников получил по заслугам. И сговорчивый сторож и жулики теперь находятся под более надежной охраной, чем находилось зерно.

Грачевский район,
Ставропольского края.

М. ВИЛЕНСКИЙ

ЕГО ПОСЛЕДНЕЕ СПАСИБО

Рассказ

Вот уже четвертый день толстый брюнет с проседью Георгий Андреевич жил у толстой крашеной блондинки Анастасии Петровны на правах вроде как мужа.

Обоим было несколько за сорок, у обоих порой прихватывало сердчишко, вступало в поясницу и мышиными зубками грызло в боку после острого и жирного, но когда-то они были красивы и удалы, и поныне каждый из них считал, что в основном, с пустяковыми потерями, сохранил свою красоту и удаль.

Тася — так она продолжала представляться — работала буфетчицей в ресторане. Там она и познакомилась с Жорой, когда он по-хозяйски зашел из зала на служебную половину и хриплым тенорком попросил завернуть ему «с собой» бутылку водки.

Поговорили, он ее подождал, проводил домой и застрял в ее однокомнатной квартире.

Георгий Андреевич и Анастасия Петровна догадывались, что у каждого из них в прошлом житье-бытье было много всего-всякого, но по взаимному молчаливому согласию не пытали друг друга анкетными расковырками. Она знала о нем только то, что Жора — командировочный с юга, что он разведен с женой и собирается переводиться в Москву.

Сейчас вроде бы муж Жора посапывал, положа пухлую ладонь на мясистое плечо своей вроде бы супруги Таси. Она не спала и, глядя во тьму, прикидывала, в какой пропорции будет завтра разбавлять коньяк старкой и как это выйдет по деньгам. Она задремала, но ее разбудил надсадный рокот автомобильного мотора под окном.

Там, в узеньком дворе, в теснине высоких домов, прилаживался на ночевку могучий транзитный автофургон. Это было проклятье ее дома. Фургоны прибывали ночью, шоферы спали в кабинах и отапливались от моторов, которые то нагло взревывали, то работали на низких, бормочущих оборотах. Стекла в Тасиной квартире дребезжали, уснуть в такие ночи было трудно, и она люто ненавидела эти автофургоны и чертову шарашкину контору во дворе, где шоферы утром получали новые наряды и выкатывались со двора. Но теперь у Таси был заступник.

— Жор, а Жор...

— А-а... — прохрипел Жора.

— Сделай что-нибудь, прогони машину.

Георгий Андреевич вытер ладонью слюнявую губу.

— Какую машину?

Ничего не понимая, он сел, спустив ноги на ковер.

— Слышишь, во дворе грузовик гундит.

— А-а, это мы сейчас.

Жора сполз с дивана и подошел к окну. Тася видела его профиль, всклокоченные волосы и нос картошкой.

— Так. Какой у тебя номер дома — пять?

— Семь.

— А отделение милиции?

— Пятьдесят первое.

Жора снял трубку телефона, набрал 02 и сказал:

— Пятьдесят первое дайте. Срочно! Алло! Со второго Кренделевого проезда говорят. Дом семь. У нас тут черт те что, товарищи, во дворе делается. Какие-то автофургоны устроились на ночевку. Грохочут моторами, понимаете, не дают людям отдохнуть после работы. Весь дом не спит, понимаете...

Не прошло и трех минут, как во двор въехала еще одна машина. Захлопали дверцы, послышались голоса. Рокот автофургона смолк. Стекла в окне перестали дребезжать. Жора и Тася, босые, не включая света, стояли у окна и жадно наблюдали за ходом событий.

Внизу на заснеженном квадрате двора рядом с автофургоном стоял милицейский «Москвич». Лейтенант в ушанке и сапогах говорил по радиотелефону. Витой, как пружина, шнур тянулся из кабины «Москвича» к трубке. Очевидно, лейтенант получил вполне четкие указания, потому что через минуту «Москвич» круто развернулся и поехал со двора, а за ним неохотно двинулась туша автофургона.

Во дворе стало пусто и блаженно тихо.

Два толстых босых человека у окна радостно обнялись и захохотали светлым смехом победы и освобождения.

— Ну, сильны! — сказал Жора, снова укладываясь на тахту. — Пять минут, и все дела! У нас в Кременчуге милиция раньше следующего дня не пожаловала бы. Во оперативность! Столица, мать честная. Слушай, Тась, надо им отзвонить в милицию — поблагодарить.

— Не надо, спи. Перебьются без твоего спасибо.

— Неудобно. Люди ночью в мороз тут же приехали по ерундовому в общем-то делу. У нас в Курске ахнут, когда я это расскажу.

— В Кременчуге, — поправила Анастасия Петровна.

— Там я раньше жил, а потом в Курске.

— Ложись, Жора. Не колготись.

— Нет, позвоню. Надо поощрять людей за хорошее.

Он встал и зашлепал к телефону.

— Алло! Пятьдесят первое? Это опять со второго Кренделевого проезда говорят. Дом семь. Огромное вам спасибо, товарищи, за оперативную помощь. Это я, который насчет автофургона вас вызывал. Да-да, теперь тишина. Знаете, я сам из Хабаровска, дак там у нас такого не увидишь.

— Из Куоска,— поправила с тахты вроде бы жена Тася.

Жора брыкнул в ее сторону ногой, чтоб не мешала.

— Ваша фамилия? — спросил дежурный.

— Кублецов, — ответил Жора. — Так и запишите: от всего сердца благодарит гражданин Кублецов Георгий Андреевич. И объявите патрульным благодарность в приказе за охрану покоя граждан.

— Спасибо, Георгий Андреевич, объявим. Вы из какой, кстати, квартиры?

— Дом семь, квартира девяносто два, второй подъезд, пятый этаж.

— Так. Значит, Георгий Андреевич Кублецов,— врастяжку сказал дежурный.— Вы с какого года будете, Георгий Андреевич?

— С двадцать восьмого, а что?

— Да мы тут три года разыскиваем некоего Кублецова Г. А.— многоженца и злостного неплательщика алиментов. Сейчас мы проверим. Никуда не отлучайтесь, пожалуйста.

С пожарной быстротой Георгий Андреевич принялся одеваться.

— Чтоб я еще когда-нибудь в жизни кому-нибудь сказал спасибо! Ну нет, не дождетесь, голуби! — бормотал он, лихорадочно натягивая брюки.

Нашел работу по плечу.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

М. РАСКАТОВ

Я, ты и другие

ШУТКА

Я,

Еще себе не веря,
Этим лучшим в жизни днем
Распахнул пошире двери
И вошел в чудесный дом...

Ты

Стояла молчаливо,
От волненья чуть дыша,
Удивительно красива,
Неподдельно хороша...

Он

Сказал нам много нужных
И прочувствованных слов
Исключительно про дружбу
И, понятно, про любовь...

Мы,

Горды необычайно,
Стали кольца надевать,
А потом в блестящей «Чайке»
Полетели пировать...

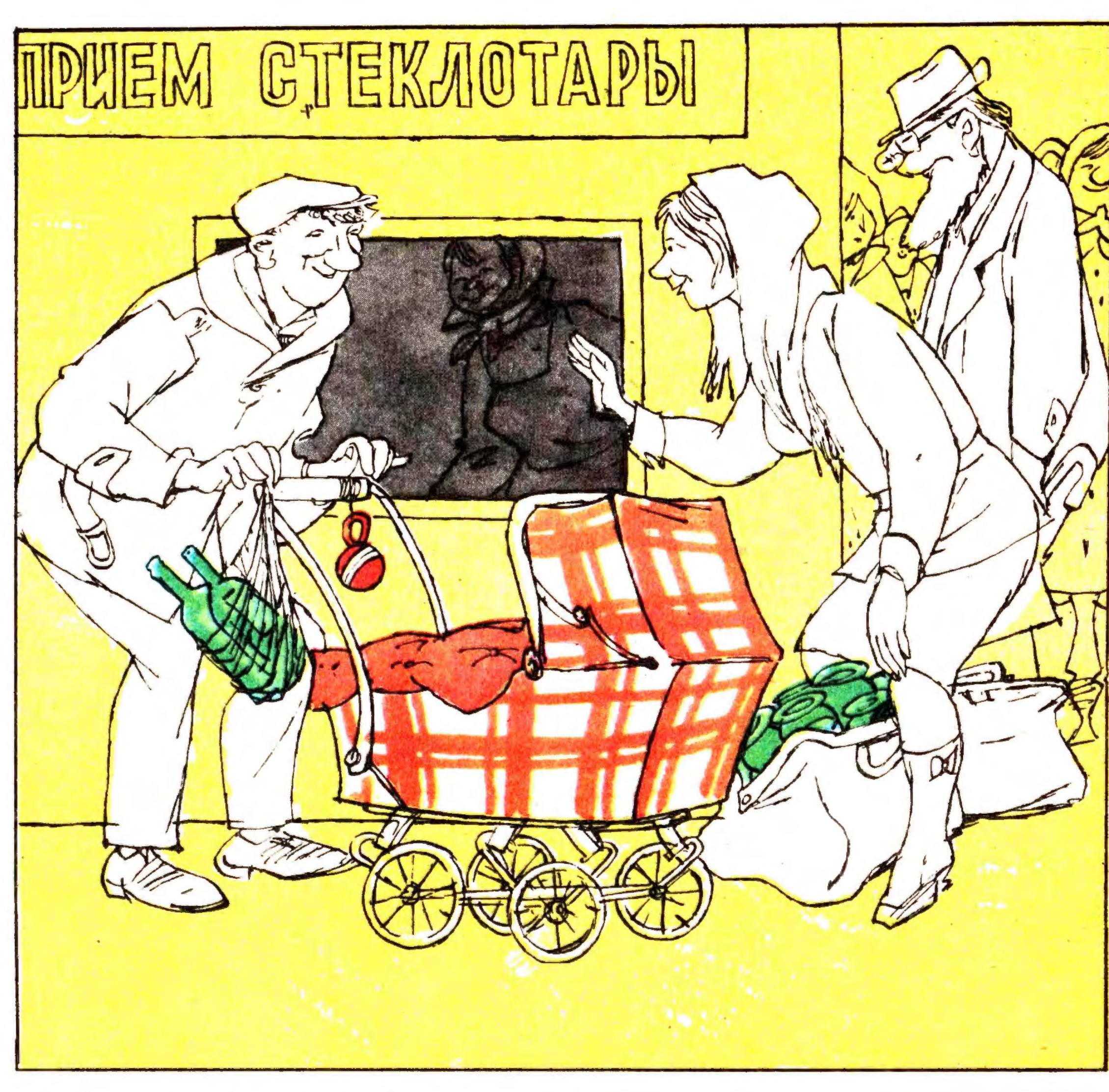
Вы

Подарки нам вручали
(Вдруг открылся сам Сезам!),
Мы вас щедро угощали,
Позабыв про пап и мам...

А они

Носились в мыле —
Просто чудо-старики! —
И без устали носили
Шашлыки и коньяки...
Проявляли бездну такта —
Нашим предкам равных нет!..

Эх, вот если было б так-то
Двадцать пять ближайших лет!



— Пожалуйста, вы же с ребенком...

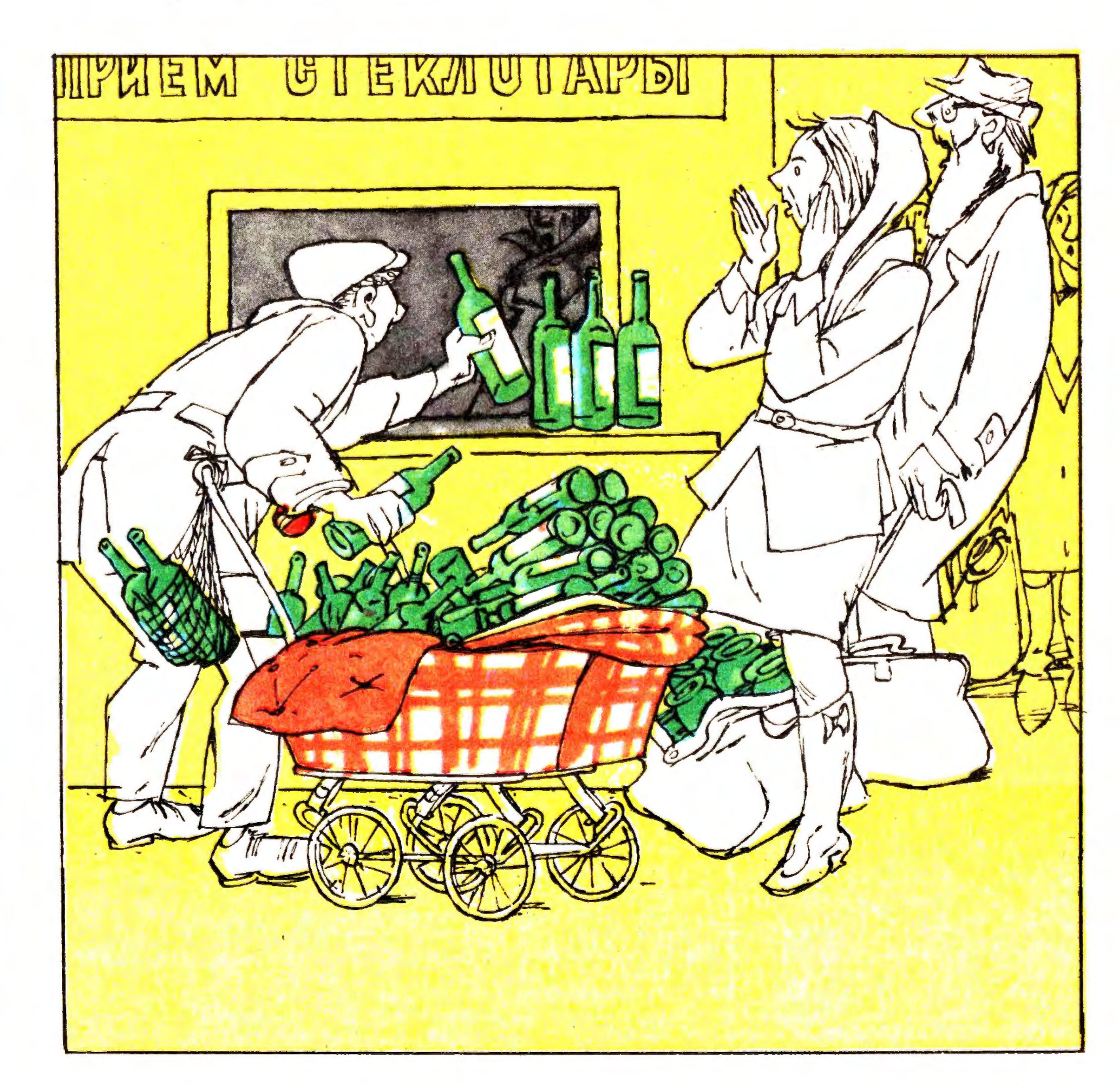


Рисунок Г. ИОРША

— Богатая техника! Раньше, бывало, только на лошадях на свадьбу ездили...

Рисунок И. СЫЧЕВА

КАРТОННЫЙ БАНТИК

В. ПРИВАЛЬСКИЙ,
Г. ДРЕВНОВСКАЯ

— Сегодня идем на симфонический концерт! — напомнила Петру Петровичу жена.— Надень крахмальную рубашку.

Вечером, приготовив выходной костюм, Петр Петрович вынул из шкафа рубашку и невольно залюбовался. Аккуратно сложенная, она радовала глаз, приятное поскрипывание убеждало, что на рубашку не пожалели крахмала, а картонный бантик, заботливо подсунутый под воротничок, умилял. Ну что за молодцы, эти работники бывшего утюга и корыта!

С приятным вздохом вынул Петр Петрович картонный бантик. На месте бантика он обнаружил заботливо воткнутую булавку. Осторожно удалил и ее. Пуговицы на этом месте не оказалось. И вообще рубашка была начисто лишена пуговиц. Петр Петрович лихорадочно вынул другую рубашку, третью... То же самое! Все — без пуговиц! На четвертой рубашке пуговицы оказались на месте, но все до одной туго вплавлены в ткань. Зато во всех рубашках красовались рекламные картонные бантики.

...Девятую симфонию Бетховена Петр Петрович слушал рассеянно. Он смотрел на соседей. На многих были такие же водолазки, как и на нем, на иных — ковбойки или цветные рубашки без галстуков.

И тогда Петр Петрович отправился на московскую фабрику-прачечную № 4, ту самую, где так бесчеловечно отнеслись к его рубашкам. Предварительно он получил в управлении коммунального и бытового обслуживания такие заверения:

— На всех фабриках-прачечных нашего города установлено новенькое оборудование. Сплошная автоматика! Рабочим остается только нажимать кнопки.

Будучи человеком любопытным, Петр Петрович попросил показать ему весь процесс. За это дело любезно взялся заместитель директора М. Д. Зуперман.

— Начнем с котельной! — предложил он и повел Петра Петровича в помещение, где были установлены внушительных размеров котлы.— Вот это термометры,— сказал замдиректора, показывая на застекленные приборы. Стрелки во всех них дружно указывали на цифру семь.— Семь градусов,— не очень уверенно произнес Зуперман.

— Не холодновато ли? Жена, помнится, стирала в горячей воде.

— Так то жена, а здесь автоматы. Технология другая.

Тут подошел человек, работающий Волшебником, и сказал:

— Это не термометры, а манометры. И показывают они не температуру, а давление. И не семь градусов, а семь атмосфер.

«Вот тебе и на! — подумал Петр Петрович.— Замдиректора не знает самых элементарных вещей. Неужели инженер не разбирается в технологии процесса?»

— А он не инженер,— шепнул Волшебник.— Он работал в конторе по ремонту мебели, потом ведал снабжением на фабрике химчистки и хозяйственными вопросами в тресте прачечных. А здесь он всего второй год и еще не разобрался, что к чему.

Отправились в стиральный цех. Вдоль окон стояли ряды внушительных цилиндрических барабанов. Из их щелей хлестали мыльные струи. Вокруг барабанов, увертываясь от них, похаживали рабочие в высоких резиновых сапогах и клеенчатых фартуках до пола.

— Вы видите отжимные аппараты,— с ученым видом произнес бывший специалист по мебели, снабжению и хозвопросам.— В них отжимается белье.

— А... где же оно стирается?— поразился Петр Петрович.

— Именно в этих барабанах,— пояснила начальник цеха В. С. Титова, деликатно оттесняя плечом замдиректора.— Сюда загружают белье, добавляют моющие средства, потом... — Начальник цеха приложила пальчик ко лбу и неуверенно добавила: — Потом отбеливатель, крахмал...— Тут она умолкла.

— А сколько белья загружают в один барабан? — спросил любопытный посетитель.— Сколько моющих средств, отбеливателя, крахмала? Где дозаторы?

Тут подошел Волшебник и сказал:

— Что ты ее спрашиваешь! Она ведь не специалист, она пришла на эту должность с профсоюзной работы.

Начальника цеха деликатно оттеснила стиральный мастер Е. В. Зубова и бойко принялась пояснять:

— Барабаны рассчитаны на 84 килограмма белья. Загружаем же мы,— полугорделиво и полузастенчиво призналась она,— по 130—140. Конечно, приходится попотеть, заталкивая да уминая: барабаны-то не резиновые. Дозаторы есть, но они уже давно вышли из строя. Так что растворы льем на глазок.— Тут она тяжко вздохнула и продолжала: — Ведрами льем. А попробуйте поднять восемь ведер с горячим крахмалом на уровень груди и влить в узкую щель! Это вам не домашняя стиральная машина, а автоматика.

— Да, да,— вспомнил Петр Петрович.— Рабочим остается только нажимать кнопки. Кстати, где они? И куда смотрит главный инженер?

Тут подошел Волшебник и сказал:

— А главный инженер В. С. Никитишин — вовсе не инженер. Он фармацевт, окончил химико-фармацевтический техникум.

— Но кто же допускает такое варварское обращение с автоматами?

— Само начальство,— пояснил всезнающий Волшебник.— Оно ведь получает премии за перевыполнение плана по количеству пропущенного через агрегаты белья. Заодно экономятся и моющие средства.

В полном уже унынии побрел Петр Петрович в гладильный цех. Здесь на огромных каландрах сохнет и утюжится белье. Слипаются от крахмала пододеяльники и наволочки. С тихим треском отлетают пуговицы, и громко ругаются каландровщицы, соскребая с валков и прессов прилипшую пуговичную пластмассу. На специальных столах и манекенах гладятся крахмальные сорочки. Тут тоже слышится тихий треск не выдерживающих жара пуговиц и громкая ругань каландровщиц.

Зато в этом цехе Петр Петрович увидел единственный исправный автомат, который ловко и красиво складывал отглаженные рубашки. Работницам оставалось только вкалывать булавки в те места, где отлетели пуговицы, и, наконец — последний этап! — вкладывать под воротнички картонные бантики.

— Но что за варварское отношение к пуговицам! — воскликнул было Петр Петрович.

Тут подошел Волшебник и сказал:

— А каландровщицы не очень-то и виноваты. Во-первых, работа у них сдельная и приходится гнать вовсю. Во-вторых, пуговицы промышленность выпускает такие, которые не выдерживают ни высокого давления при глажении, ни высокой температуры.

В общем и целом технология производства на этой фабрике произвела на Петра Петровича удручающее впечатление. И это впечатление со всей прямотой и откровенностью он решил изложить самому главному специалисту на фабрике — директору А. И. Рыжову.

Тут подошел Волшебник и сказал:

— Брось! Никакой он не специалист. По профессии он мужской мастер, парикмахер. Правда, одно время он ведал банями. И поскольку там имел дело с горячей водой и паром, его и назначили директором сюда.

И тогда Петр Петрович решительной стопой направился в Управление бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома. Тут он очень удивил своим рассказом заместителя начальника производственного отдела Нину Петровну Шабанову, ту самую, которая утверждала, что на всех фабриках-прачечных рабочие только и делают, что нажимают кнопки.

— Позвольте! — воскликнула Нина Петровна.— Только недавно на этой самой фабрике побывала наша сотрудница, да и из треста были там проверяющие. Все в один голос утверждают: полный порядок!

— А на других фабриках тоже такой порядок?

— Тоже полный... этот самый... порядок,— заверила Нина Петровна, но, как показалось Петру Петровичу, слегка покраснела.

— Ужас какой-то! — пробормотал Петр Петрович, выходя на улицу.— Такая великолепная техника — и такое варварское обращение! И это называется порядок! Неужели всюду так?

Тут подошел Волшебник и со вздохом сказал:

— В общем, брат, почти всюду. Техника-то новая, а вот руки старые, они еще не отвыкли от корыта. И нашим скромным производствам нужны бы специалисты. А где их взять? Вот и процветает кустарщина...

— А как же теперь быть со стиркой?

— Не расстраивайся, старик! Жена у тебя есть? Вот и подари ей стиральную машину.

Мих. ГОРОДИНСКИЙ

Рассказ

ГОЛОВА

Оброс я сильно и зашел в парикмахерскую подстричься. Спереди снять, височки косые, сзади скобочку... Мастер пожилой попался, опытный — подстриг быстро, ровненько, сзади скобочку сделал. Только я встать захотел, чтобы в кассу по прейскуранту заплатить и домой пойти, парикмахер голову мою пальцами обхватил и рассматривать стал. Мне неудобно как-то, не по себе.

— В баню,—говорю,—собираюсь, товарищ мастер, вот и зашел шевелюру снять немного.

А он не слушает и продолжает мою голову пальцами ощупывать. Я в карман полез, полтинник достал и мастеру протягиваю.

— Спасибо,— говорю,— за отличную работу, товарищ мастер!

Он голову мою отпустил немного, посмотрел серьезно в зеркало и говорит:

— За такую голову, молодой человек, деньги даже брать совестно.

Ну я обиделся, конечно.

— Какая уж есть,— отвечаю,— отдайте мою голову, товарищ мастер,— и все!

А сам в зеркало смотрю: голова как голова, чего привязался?

Тут мастер соседку-парикмахершу подозвал и на голову мою показывает.

Та ножницами мне в затылок тычет и кивает. Гардеробщик подошел и тоже разглядывает. Надоело мне это. Встал, простыночку сбросил, пиджачок одернул и к выходу. А в дверях директор стоит, улыбается. На голову мою поглядел и говорит:

— Голова у вас замечательная, молодой человек, редкая просто головушка!

— Да что вы,— отвечаю,— самая обыкновенная у меня голова, средняя даже. Я-то ведь лучше знаю: я с ней и в школе вместе учился, в институт три раза поступал...

— Нет уж, молодой человек, нам, специалистам, виднее, такая голова теперь одна на тысячу!

Мне, конечно, приятно такое слышать. А директор расспрашивать начинает: кем работаю, женат ли, не стригся ли за границей. Ну, я отвечаю, как есть, что работаю, что заочный пятый год заканчиваю, женат, за границей не стригся, так как парикмахерская в соседнем доме. Директор все в блокнот записал. Потом галстучек поправил и говорит торжественно:

— Товарищ Самсонов, коллектив нашей парикмахерской хочет рекомендовать вашу голову к участию в областном конкурсе парикмахеров.

Я не понял сначала.

— Как же,—спрашиваю,— голову? А сам я куда? Отдельно, что ли?

Он смеется.

— Ну что вы,— говорит,— и вы с ней поедете! И для вас интересно будет.

— Как-то неожиданно получается... Я ведь просто подстричься зашел, оброс сильно. А тут вдруг на конкурс, областной. У меня семья, я так сразу не могу...

— Вот вы и подумайте, с женой посоветуйтесь. Оплата у нас хорошая, работа не тяжелая.

Тут директор ко мне вплотную подошел и тоже голову щупать и рассматривать стал.

— Волос мягкий, корень крепкий,— сказал он себе,— так вы подумайте, товарищ Самсонов, не пожалеете.

Пришел я домой, все жене рассказал. Так, мол, и так, голова у меня редкая, волос мягкий, корень крепкий, работа не тяжелая, оплата хорошая. Посовещались недолго и решили согласиться, раз уж людям так голова моя нужна. Да и деньги неплохие. А главное, время для занятий будет — институт чтобы закончить, диплом получить.

...И правильно мы тогда сделали, что согласились. Работа действительно интересная, оплата хорошая. Костюм в полосочку выдали, подъемные, командировочные. Одеколон дома не переводится. На конкурсе областном голова моя «под полубокс» первое место заняла. На межобластном — «под канадку на нет» — второе. Времени для занятий сколько угодно! В полгода за три предыдущих курса экзамены сдал, самому не верится. Последняя сессия осталась и диплом.

Отпуск мне в парикмахерской дали, проводили торжественно. Гардеробщик прослезился даже.

Почти полгода за книжками сидел... Последнюю сессию на пятерки сдал, а потом и диплом на «отлично» защитил.

Оброс я за это время сильно и пошел в свою парикмахерскую подстричься. Встретили меня тепло — расспросы, поздравления. Мастер, тот самый, с которым на конкурсы ездили, подстриг быстро, аккуратненько, сзади скобочку сделал. Только я встать захотел, чтобы к директору пойти, доложить, что прибыл по окончании института,— парикмахер мою голову стриженую пальцами обхватил и рассматривать стал. Я улыбаюсь сижу.

— Что вы,— спрашиваю,— Иван Тимофеевич, там нашли?

А он не отвечает и продолжает голову мою пальцами ощупывать. Я встать пытаюсь, думаю— шутит. Он тогда голову мою отпустил немного, посмотрел в зеркало и говорит:

— За такую голову, молодой человек, сверх прейскуранта доплачивать надо.

— Как же так,— отвечаю,— голова у меня замечательная, вы же сами с ней призы на конкурсах получали!

В зеркало посмотрел — на самом деле: отличная, необыкновенная просто голова... Чего привязался?

Тут соседка-парикмахерша подбегает, ножницами мне в затылок тычет и брови хмурит. Гардеробщик приковылял и руками разводит.

Надоело мне это. Встал, салфеточку сбросил, пиджачок в полосочку одернул и к директору. Захожу, обнимаюсь. Директор вдруг нахмурился, голову мою пальцами обхватил и разглядывать стал. А потом говорит:

— Что-то у вас, Самсонов, с головой неладно. Год почти прошел, а она не изменилась совсем.

— Да что вы,— кричу,— товарищ директор! У меня голова даже лучше стала, я-то ведь точно знаю, я с ней все экзамены сдал, диплом защитил!

— Нет уж, молодой человек, нам, специалистам, виднее. Та же самая голова у вас. Не подходит теперь ваша голова: вышла из моды. Так что извините, товарищ Самсонов... А костюмчик в полосочку сдайте.

Снял я с себя костюмчик. Обидно все-таки. За границу зимой с «полечкой» собирались...

А через неделю жена домой вечером приходит и говорит:

— Я в парикмахерской сегодня была, маникюр делала и костюм там твой в полосочку видела, в котором ты на конкурсы ездил.

— Ну и как,— спрашиваю,— голова-то теперь у костюма?

Жена смутилась немного.

— Ты не расстраивайся,— отвечает,— но та голова действительно отличная. Современная, кругленькая, ушки аккуратненькие — не оторваться прямо!

Ну что ж, думаю, не судьба, значит... Придется годик перебиться, по специальности поработать, а там видно будет.

г. Ленинград.

Редкая птица долетит до середины Днепра... (а также Волги, Дона, Днестра, Серебрянки и других рек).

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Н. МОНАХОВ

Кара-у-у-л!

В Петропавловске-Камчатском, в окрестностях местного стадиона гражданам не дают проходу бойкие личности. Они хватают ничего не подозревающего прохожего за лацканы и жарко шепчут:

— Купите футбольный абонементик, гражданин хороший!

Гражданин хороший обычно отрицательно мотает головой. Он не в восторге от игры команд высшей-то лиги, а брать абонемент на все матчи местных футболистов, нет уж, извините, для этого нужно быть... Гражданин не договаривает, кем нужно для этого быть, и хочет идти дальше. Но личности еще крепче вцепляются в его лацканы.

— Вы ошибаетесь! — нежно внушает одна очень настырная личность, обнявшая гражданина за плечи, словно любимую девушку. — С введением новых правил футбол, даже местный, стал намного интересней. Вы не увидите ни одной ничьей. И какие будут пенальти!

— У меня берите, у меня место самое лучшее, такое только по знакомству можно достать! — захлебывается другая личность.

— Не откручивайте мне пуговицу, — жалобно просит ошалевший гражданин.

— Как же не откручивать, когда вы слушаете их бредни? Хотите, уступлю абонемент за полцены?

Но не сломленный страшной дешевизной прохожий, пожертвовав парой пуговиц, уже вырвался и шагал дальше. Правда, далеко уйти ему не удалось. На него накинулась новая толпа негоциантов.

В конце концов на них обратила внимание милиция. Уж очень подозрительно выглядела эта торговля. Ведь у каждого негоцианта было отнюдь не по одному абонементу, а целые пачки. И эти скидки, которые можно встретить только на черном рынке... Создавалось впечатление, что орудует какая-то компания жуликов, обчистившая кассу стадиона.

Голубчиков привлекли для дачи чистосердечных показаний и позвонили на стадион.

— Сколько у вас похищено футбольных абонементов?

— Хи-хи! — отозвались на другом конце провода. — Шутите? Да кому они нужны?

На глазах негоциантов милиционеры озадаченно крякнули.

— Не журитесь! — улыбнулся им один из негоциантов, доставая из кармана толстенную пачку абонементов. — Между прочим, милиционерам мы, как женщинам и детям, уступаем со скидкой даже шестьдесят процентов.

Вдруг он чуть не заплакал.

— Возьмите хоть по полтинничку! Символическая цена. Не дайте нашему бедному профсоюзу пойти по миру!

Это было настолько удивительно, что милиционеры еще раз озадаченно крякнули.

А между тем все объяснялось очень даже просто. Незадолго до этого председателей месткомов учреждений и предприятий города вызвали в областные профсоюзные инстанции и сказали:

— Наш долг, товарищи, заботиться о здоровом и культурном отдыхе трудящихся. Что может быть лучше отдыха на трибунах стадиона, когда играют любимые команды! Свежий воздух, увлекательные переживания! Но с болельщиком что-то случилось. Он по собственной инициативе на стадион не идет. Если футболисты будут играть при пустых трибунах, то чего ради они будут играть? Правильно, ради собственного удовольствия. Но спрашивается, на что они будут играть? На какие деньги? Им нужны тренеры, врачи, мячи, форма и содержание. Вот вам футбольные абонементы. Деньги за них перечислите стадиону из профсоюзной кассы. Если уговорите профмассы пойти на стадион, месткомы не останутся внакладе.

«Наша профсоюзная организация, — пишет в редакцию председатель месткома петропавловской гортеплосети М. Лыкина, — получила футбольных абонементов на 920 рублей. Нам еще повезло. Другим профорганизациям навязали на еще бóльшие суммы. Начали мы распространять абонементы. За полную стоимость никто не берет, за полцены продали несколько штук. Решили раздавать бесплатно членам своей профорганизации. Отмахиваются. Что было делать? Тогда мы послали профсоюзных активистов торговать абонементами около стадиона. Точно так же поступили и остальные месткомы. Дали наказ: сбывать за любую цену. Надо же вернуть профсоюзу хоть часть денег? Спрос все равно был невелик. А тут еще стадион, почувствовав себя неконкурентоспособным (ведь его кассы продают абонементы только за полную стоимость), забил тревогу. В результате милиция, охраняя интересы стадиона, стала прогонять наших активистов. В прошлом году почти все абонементы у нас пропали. Плакали профсоюзные денежки. В этом году история повторяется. Когда же кончится это грубое нарушение профсоюзного устава?»

Вот какие футбольные страсти разгорелись в Петропавловске-Камчатском. Традиционные клики «Го-о-о-о-л!» слышны не на трибунах стадиона. Туда болельщика даже за бесценок не заманишь. Подай ему Пеле, Гарринчей или хотя бы Еврюжихиных, он, пожалуй, пошел бы. А их-то как раз и нет. Зато у камчатских кандидатов в Еврюжихины есть меценаты, распоряжающиеся профсоюзным бюджетом как своим собственным. По их вине и кричат, ломая руки перед пустой профсоюзной кассой, месткомовские казначеи: «Профсоюз го-о-о-о-л! Карау-у-у-у-л!»

Сергей АНАНЬИН

Рассказ

Цена жизни Тихова

Иван Иванович никак не ожидал, что на его похороны придет так много сотрудников, и чувствовал себя неловко, вдруг вот он — и причинил хорошим людям беспокойство. Извиниться бы, сказать, что так уж получилось нелепо, но голос не повиновался. В то же время невольно было приятно: его уже нет, а люди пришли и, значит, уважают, считают неплохим человеком, и, следовательно, жизнь прошла не напрасно. Это даже как-то примиряло со случившимся, и уж очень хотелось знать, кто пришел,— глаза, к счастью, закрылись не полностью и, хотя были непривычно неподвижны — могли смотреть только прямо, но положили его удачно — ногами к двери, распахнутой во всю ширь, и довольно отчетливо различали, кто входит. Повезло!

Каждый входил неслышно и медленно, с застывшим виноватым выражением, и так же неслышно, но уже невидимо, сбоку, подходил к нему. Теперь видны были только вздрагивающие руки, осторожно рассыпавшие по его нечувствительному выходному костюму роскошные цветы, которые он любил и которыми любовался издали, потому что такие богатые розы, пионы, тюльпаны продавали спекулянты и стоили они дорого. Сейчас цветы — они почему-то не пахли! — вызывали лишь тревожное, все усиливавшееся беспокойство: а вдруг заслонят от него людей? Что тогда делать?

Иван Иванович уже злился. Зачем так много цветов? И обошлись недешево. Пожалуй, его месячная зарплата, путевка в санаторий, куда врачи требовали поехать немедленно, добавляя многозначительно: «Если вы, конечно, хотите жить...» А кто не хочет? А сейчас особенно ясно представилось, как это замечательно — жить!

...Жупитяев, разумеется, ни в чем не виноват. Видимо, сказалось то, что с личной просьбой Иван Иванович обратился впервые, вот и разволновался, главного и не сказал — что стали мучить сердечные приступы.

— Вы меня удивляете, товарищ Тихов,— рассердился Жупитяев.— Вчера я поручил вам срочное задание министерства, каковое решусь доверить не всякому, а сегодня, как я понял вас, вы проситесь в досрочный отпуск. По графику ваша очередь через месяц. Что же, по-вашему, ради вас я должен кому-то сорвать отпуск? Согласитесь, это будет бесчеловечно.

— Да я что... Врачи...

— Врачи всегда перестраховываются. Идите работать.

Вышел, досадуя на себя, услышав, как громко забилось сердце, не зная, что лишь закроет за собой дверь, тут же повалится, заденет головой металлическую плевательницу, и та плеснет в лицо слюнявые окурки; на ее глухой звон высунется из комнаты его друг Леонид Петрович, испуганно вскрикнет; выбегут из своих комнат сотрудники, растерянно поднимут, не соображая, что делать, куда нести; выглянет недовольный шумом Жупитяев и, узнав причину, удивленно произнесет:

— Сердце? А ведь никогда не жаловался!..

Кстати, что-то не видно его. Может, проглядел?

Властный голос Жупитяева, распорядившегося: «Поближе!»— Иван Иванович услышал, когда уже находился на краю могилы и тревожился, как бы накренившийся гроб не перевернулся. Этак и и выпасть можно, ушибиться!

— Сегодня мы прощаемся...— огорченно начал Жупитяев.

Почему-то подумалось с обидой: «На собраниях выступает последним, а на похоронах всегда первым. Сейчас зальется: «Преждевременная смерть вырвала из наших рядов... Исключительно честный... трудолюбивый... исполнительный...» Жупитяев так и говорил, и раздражение от того, что он всегда твердил одно и то же, будто все люди совершенно одинаковы, усиливалось. Но что это он говорит? Ведь так нечестно!

— ...только скромностью нашего дорогого друга можно объяснить, что он, будучи уже серьезно больным, умолчал, что нуждается в отдыхе, лечении...

Тревожно стало от неожиданного открытия, что Жупитяев-то демагог и карьерист! Как же раньше не замечал? Да еще защищал его!

Разборчиво донеслось сказанное кем-то шепотом:

— Гляди, как Жупитяев доубаюкал Ивана Ивановича: и глаза, лицемер, закрыл от удовольствия.

Обидные слова порадовали: значит, еще кто-то разгадал Жупитяева. Это хорошо.

А это кто выступает? Леонид Петрович. Спасибо, друг! Верно говорит, что от общественной работы я не уклонялся.

Иван Иванович вначале с гордостью слушал довольно-таки длинный перечень своих общественных поручений, а потом захотелось выкрикнуть: «Хватит издеваться! Никакой я не активист!» Только сейчас дошло до него, насколько случайными были эти поручения. Включили в торговую комиссию, а что он понимает в торговле? Какой из него дружинник, если всю жизнь был физически хилым? И получалась не работа, а одна видимость!..

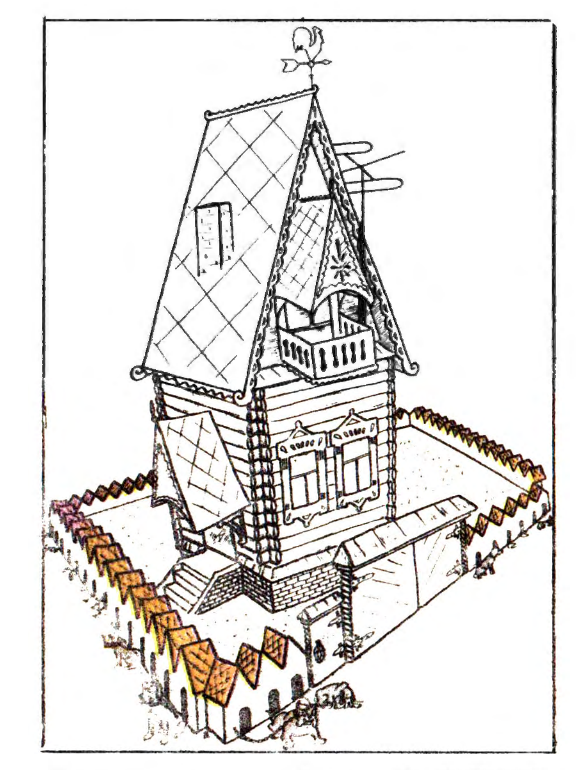
Может, вообще ничего существенно полезного он не сделал? Нет-нет! Конечно, что-то сделал, но мог бы, мог бы сделать значительно больше, если бы не плыл по течению... Засосали мелочи жизни...

Давным-давно начал интересное научное исследование, показывал свои заметки профессору, и тот дал очень высокую оценку, сказав, что это будет очень ценным вкладом в науку. А ведь так и не закончил? Не закончил! Разменял жизнь на мелкую монету! Так почему же сейчас друзья призывают брать пример с него, называют настоящим человеком? О! Если бы всего на минуту возвратился голос, чтобы сказать всем-всем, что не надо брать пример с меня, что не надо призывать, жить, как прожил я! Иначе бы надо, иначе!..

А когда показалось, что вот-вот крикнет, и обрадовался этому, услышал нетерпеливый голос Жупитяева:

— Крышку!

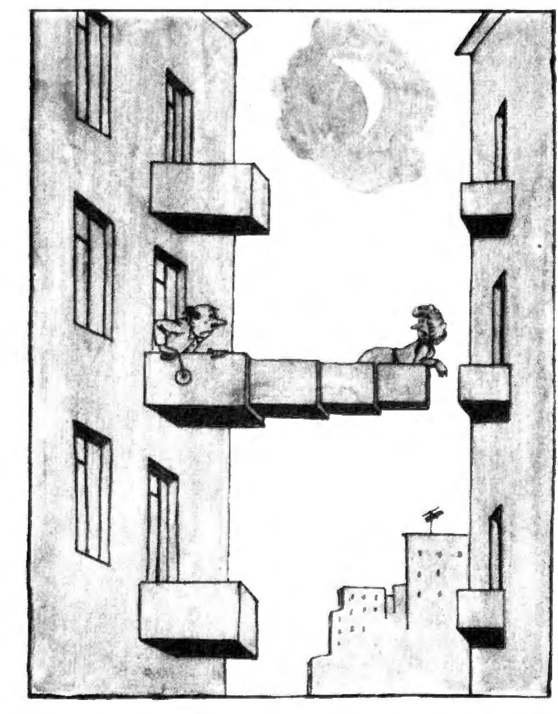
Тотчас же с грохотом навалилась крышка, так что гроб качнулся. Торопливо застучали два молотка. Приподняли, чуть не уронив, поскользнувшись. Ну, чего так спешат? Как неприятно шуршат веревки! Ниже, ниже. Не ударили бы о дно могилы — земля здесь каменная... Что это застучало по крышке? Мелкое, вроде металлическое. А! Древний обычай — кидают землю на гроб. И вместе с землей, песком бросают в могилу плоские камешки, напоминающие монетки. Призрачно привиделось, как Жупитяев тоже кидает горсть и в ней стертый камень, похожий на пятак. И стало смешно и страшно от мысли, что это и есть цена его жизни...



Отгородился. Рисунок Д. КУЛИКОВА

— А у меня что-то борода совсем не растет.

Рисунок В. МОЧАЛОВА

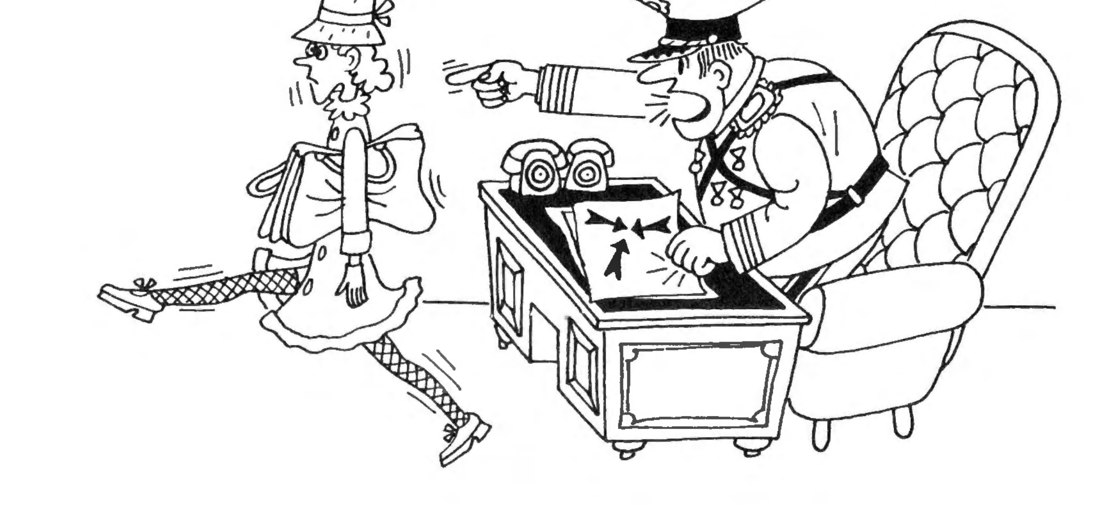


— Подай еще немного вперед! Трудно разглядеть через занавеску.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Бор. ЮДИН

Страдания немолодого Уокера



Миссис Уокер вошла в кабинет супруга, генерала британских вооруженных сил Уолтера Уокера, взволнованная. Ее муж сидел за письменным столом, неподвижно уставившись в чистый лист бумаги. Он думал.

— Уолтер,— сказала слегка дрожащим голосом миссис Уокер.— Ты слышал новость? Цена на масло снова поднялась на пятнадцать пенсов за фунт. Мы катимся в пропасть. И я...

— Какая пропасть! — перебил ее супруг.— Никуда мы не катимся!.. То есть катимся, но не из-за масла. Неужели ты этого не понимаешь?

— Понимаю, дорогой. Конечно, не только из-за масла. Ведь совсем недавно вздорожало и мясо. Бекон становится роскошью. Если так пойдет дальше, я боюсь, что к утреннему кофе мне придется подавать тебе сандвич с маргарином.

— Оставь в покое твое масло, дорогая. Мы должны пробудиться и заглянуть дальше цен на сливочное масло... Постой, постой! — закричал Уолтер Уокер.— Нашел, нашел! — И он стал лихорадочно записывать что-то на лежащем перед ним листе бумаги.

— Что ты нашел, милый?

— Я нашел начало своего выступления на конференции Всемирной антикоммунистической лиги. О, это будет историческое заявление.

— И ты думаешь, Уолтер, что после твоего заявления масло подешевеет?

— Какое дело делегатам конференции до масла! Ты не отдаешь себе отчета, какие люди будут в конференц-зале. Американский сенатор Хелмс. Сотрудник Гуверовского института Стефан Поссони. Член нашего парламента консерватор Джон Стюарт-Смит. Лидеры антикоммунистических центров. Русские эмигранты...

— Но если там будут такие влиятельные люди, не забудь сказать насчет бекона тоже.

— Не мели вздор! Я буду говорить не о беконе, а о коммунистической угрозе. Я раскрою миру глаза!

— Но, милый, ты ведь уже больше года не командующий вооруженными силами НАТО на севере Европы, а просто мой муж. Кто обратит внимание на твои слова?

— Оставь свои оскорбительные намеки,— раздраженно заметил генерал Уокер.— Командующий я или не командующий, но уничтожение доктрины коммунизма и всех, кто ее исповедует,— серьезнейшая проблема, которая непрестанно стучит в мое сердце.— При этом генерал ударил себя кулаком в грудь, чтобы указать, куда именно стучит проблема. И, отослав супругу, он сел готовиться к предстоящему докладу.

Главное было уточнить тезисы.

«Если не укрепить военные силы в Европе, Советский Союз в один прекрасный день может предпринять нападение, которое заставит союзников НАТО капитулировать»,— строчил он.

— Уолтер,— сказала внезапно появившаяся в дверях супруга борца против коммунизма,— я забыла сказать, что билеты за проезд в автобусах тоже подорожали на три пенни. Когда ты будешь выступать с речью...

— Уйди...— простонал генерал.— Мне не до автобусов. Я борюсь с мировым коммунизмом.

— Борись, дорогой, борись. Но вот говорят, что с будущей недели газ и электричество тоже...

— Р-разговорчики в строю! — гаркнул исступленно генерал. И, утомленный напряженной умственной работой и полемикой с женой, он откинулся в кресле и предался размышлениям.

«Как течет время... Двадцать лет назад, когда мы сколачивали Лигу по борьбе с коммунизмом какие титаны мысли стояли у ее колыбели! Джон Фостер Даллес, Ли Сын Ман... Теперь не то. Измельчали борцы... Хорошо еще, я жив, а то бы...»

И его перо снова забегало по бумаге: «Мы должны прекратить нормальные торговые отношения, научно-технический и культурный обмен с социалистическими странами до тех пор, пока эти страны не пересмотрят свою политическую систему и внутренние режимы...»

На другой день генерал Уокер излагал свои глобальные соображения в пламенной речи, обращенной к участникам конференции. Как и задумано было, он начал с самого главного:

— Европа должна пробудиться и заглянуть дальше цен на сливочное масло! Я призываю уничтожить коммунизм.

— Вот именно! — закричал сенатор Хелмс.— Уничтожить! И все будет о'кей!

— Англия не забудет ваших заслуг! — воскликнул Стюарт-Смит.

— Ура! — дружно рявкнули российские эмигранты.— Да здравствуют фратерните с либертэ!.. Боже, царя храни, сильный, державный...

В этот момент в зал вошла миссис Уокер. Генеральша уселась во втором ряду, приладив на коленях хозяйственную сумку с глубоко запавшими боками. Польщенный трогательным вниманием супруги, генерал продолжал с пафосом:

— Леди и джентльмены, медам и мсье! Над нами нависла опасность разрядки напряженности. Разрядка—это просто тактическое средство большевиков, чтобы разгромить Запад. Не поддадимся, господа! — Уокер взглянул на жену, ее глаза были полны невыразимой печали.— Я призываю вас к твердости, господа. Будем тверды, как бекон,— тьфу,— как бетон, я хотел сказать. Вперед, на коммунизм! Гип-гип!

Его свели под руки с трибуны и напоили валериановыми каплями. Он сидел в кресле, нервно вздрагивая. Подошла супруга. Глаза ее были полны слез. Генерал погладил ее по руке.

— Я счастлив, что так растрогал тебя моим выступлением, дорогая. Вытри слезы, милая.

— Ах, при чем тут твое выступление, дорогой. Я специально забежала на вашу конференцию по дороге с рынка, чтобы сообщить тебе новость — сливки, сыр и молоко тоже...

— Смирр-на! — ужасным голосом закричал генерал.

Миссис Уокер замерла по стойке «смирно», но рта не закрыла и лишь перешла на казенный казарменный тон:

— Так что дозвольте доложить, сэр, полагаю целесообразным вместо вашей никчемной антикоммунистической говорильни созвать конференцию по борьбе с сумасшедшим ценообразованием.

— Кр-ру-гом! — скомандовал супруг.— Шагом марш!

Печатая шаг, миссис Уокер покинула зал конференции. Под мышкой она держала сумку с глубоко запавшими боками.

ПАРИЖ. Здесь в течение трех дней заседал «Комитет 20-ти» — представителей 20 капиталистических стран, особо встревоженных бедственным состоянием своих валют. Газета «Нуво журналь» писала, что заседания «проходили в довольно натянутой обстановке, поскольку американская и японская делегации проявили определенный норов». По сообщению агентства Франс Пресс, эксперты «Комитета 20-ти» расстались с чувством, что им нет никакой необходимости вновь собираться на подобное заседание раньше будущего года.

Однако год — достаточный ли это срок, чтобы улеглись страсти и остыли норовистые джентльмены!

БОНН. Бывший депутат от социал-демократической партии Бейхле признал, что давал ложные показания в парламентском комитете, пытаясь скомпрометировать правительственное большинство. Как выяснилось, он формулировал свои показания не самостоятельно, а с помощью редакторов газеты «Бильд», принадлежащей концерну Шпрингера. Тем самым Аксель Шпрингер еще раз продемонстрировал свою деловую сметку. С одной стороны, его люди учат лжесвидетелей, что как говорить, с другой — они первые публикуют его показания, обскакав конкурентов.

ГВИНЕЯ (Бисау). Чтобы скрыть свои потери в войне с гвинейскими патриотами, португальские власти передают по радио песни по «просьбе» карателей, которых уже давно нет в живых. Так, например, португальский гарнизон базы Гиледж якобы продолжал заказывать музыку долгое время после того, как база была разгромлена патриотами, а ее защитники уничтожены.

Похоже, что концерты по просьбе карателей заменили уведомление родным об их гибели...

ИОГАННЕСБУРГ (ЮАР). Группа из 23 ведущих южноафриканских поэтов заявила, что они будут бойкотировать один из первых конкурсов поэзии в стране, так как участие в нем разрешается только белым.

Теперь у правительства есть только один шанс провести поэтический конкурс — пригнать для участия в нем полицейское подразделение. Если выступление полицейских будет не в рифму, то по крайней мере в ногу.

НЬЮ-ЙОРК. Из отчета Федерального бюро расследований США явствует, что число серьезных преступлений, в том числе убийств, совершаемых женщинами, увеличилось за последнее пятилетие на 80 процентов.

По мнению специалистов, это единственная сфера деятельности в капиталистическом мире, где женщины скоро сравняются в правах с мужчинами.

М. ГРИГОРЬЕВ

НИЧЕГО НЕ БЫВАЕТ БЕЗ ПРИЧИН

До тех пор, пока мне не попалась на глаза эта телеграмма корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс из Иерусалима, я как-то не задумывался над причинной связью явлений. Хотя на первый взгляд в телеграмме не содержалось ничего выдающегося: обычное сообщение об обычных процессах внутреннего развития Израиля. И в то же время эти процессы излагались в такой тесной взаимосвязи, одно явление тут так крепко цеплялось за другое, что просто дух захватывало! Ну совсем как в известной притче об околевшей кобыле и прекрасной маркизе.

Начать хотя бы с темы, которой посвящена телеграмма. В ней корреспондент сообщает о бюрократических замашках тель-авивских чиновников. Тема, прямо скажем, не сахар. В какой же столице не встретишь чиновника с этими малосимпатичными замашками! И все-таки, несмотря на обыденность, заурядность явления, журналист взялся за перо. В чем причина?

Она налицо. Речь идет не просто о каких-то там замашках, а о том, как подчеркивает корреспондент, что «еврейское государство запуталось в гигантском клубке бюрократической волокиты».

Так-то вот: запуталось, и в гигантском клубке. Это уже кое-что, это могут напечатать. А чтобы его не обвинили в дезинформации, раздувании мелочей, корреспондент приводит авторитетное свидетельство главы правительства Голды Меир.

— Бюрократия свойственна не только Израилю, и не мы изобрели ее, — заявила она. — Но мы добились незавидных достижений в этой области.

Однако каковы же эти «достижения» и почему они так взволновали госпожу Меир, что она даже вынуждена была выступить с публичным заявлением? Не случайно это произошло, ох, не случайно! Все дело в том, что тель-авивские бюрократы и волокитчики измываются над новыми иммигрантами.

Приходит такой иммигрант в присутственное место, бьет челом.

— Господа, — говорит он, — имею честь доложить, что я прибыл на обетованную землю. И как новосел имею одну просьбу.

Чиновник выслушивает просьбу и говорит:

— Приходите с вашим делом завтра.

Но назавтра тот же чиновник встречает посетителя с удивленным видом:

— Разве я велел вам прийти сегодня? Что-то не помню. Будет лучше, если вы просто позвоните мне по телефону денька через два, а еще лучше через неделю.

Через неделю взвинченный иммигрант является снова и настаивает, чтобы кто-то вник в его дело.

Чиновнику отступать уже некуда, он вникает и потом радостно восклицает:

— Позвольте! А ведь ваше дело к нашему ведомству касательства не имеет. Вам следует обратиться совсем в другое учреждение. Это по их части.

И дает адрес. И улыбается в спину уходящему посетителю. И удовлетворенно потирает руки: дескать, ты у меня еще побегаешь, охотник до райских кущ!

Такая волокита и бюрократизм, очевидно, не случайны. Как указывает корреспондент, одна из причин такая: делами прибывающих в страну переселенцев ведают два ведомства: министерство иммиграции и Еврейское агентство. Они-то и гоняют людей то туда, то сюда.

Напрашивается естественное решение: одно из ведомств ликвидировать. Но этого, оказывается, сделать нельзя. Причина? Вот она:

— Мы имеем большие бюджетные ассигнования, и, следовательно, у нас много власти, — заявил представитель Еврейского агентства. — А кто же откажется от власти и денег без борьбы?

Впрочем, как израильское правительство будет бороться с бюрократизмом, меня интересует мало, поскольку это чисто внутриизраильская проблема. Я могу лишь сказать, что меры, которые намечает Голда Меир, вряд ли окажутся эффективными. Не поможет, в частности, ее предложение «нанять больше чиновников». Даже если их будет много-много, бюрократизм вряд ли пойдет на убыль.

И в бюрократизме ли дело? По официальным данным, сейчас около 20 процентов иммигрантов из Америки и Европы покидают обетованную землю и возвращаются домой. Госпожа Меир склонна объяснять этот процесс грубым отношением чиновников, занимающихся вопросами иммиграции. Короче говоря, виноваты все те же бюрократизм и волокита. Но так ли это?

Представим себе на минуту, что завтра у всех сотрудников израильских иммиграционных учреждений вырастут крылья и они превратятся в кротких, предупредительных ангелов. Что тогда изменится? Разве обманутые лживыми посулами, столкнувшиеся с неприглядной израильской действительностью люди перестанут тогда покидать эту страну? Вряд ли...

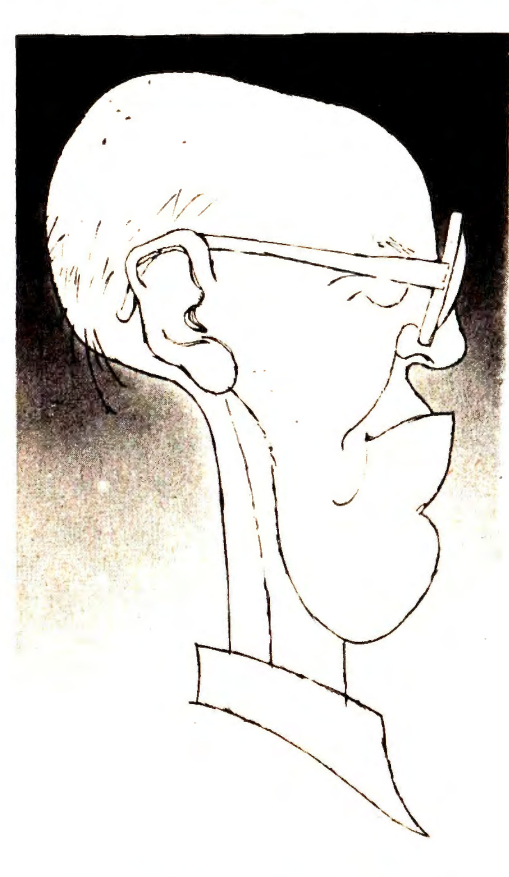
И тут логически стройная причинная связь явно нарушается.

А все же я понимаю, почему госпожа Меир заговорила во весь голос о бюрократизме: подлинных обстоятельств, порождающих отлив иммигрантов, касаться ей невыгодно. Потому-то она и громит сегодня бюрократов. Так что без причин ничего не бывает...

ИЗРАИЛЬ: — Мы приветствуем любые переговоры о мирном урегулировании...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Г. С. ИОРШ



(К 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Л. САМОЙЛОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В приемную комиссию

Апелляция

Прошу разрешить мне пересдать экзамен по истории в связи с тем, что экзаменатор задал мне неожиданные вопросы».

Списал А. Веретенников, Москва.

«Мы минус ликвидировали и будем выходить на плюс».

(Из отчета на собрании).

Записала Т. Митряхина, г. Озеры.

«...Прошу Вас, средактируйте покороче и убедительнее, чтоб всех собак и владельцѐв их взять на строгий учет по всему району, выдать жетоны и держать на цепи».

(Из письма в редакцию газеты).

Копию снял В. Лукин, ст. Коноша, Архангельской области.

«Происшествие донельзя мелкое, незначительное. Таким оно показалось поначалу.

Две соседки поругались, и одна ударила другую кастрюлей по голове».

Газета «Социалистический Донбасс».

«Когда я выводил быка на прогулку, он ударил меня, после чего мне прочитали инструкцию по технике безопасности и отправили на мясокомбинат».

(Из объяснения).

Копию сняла З. Абраменко, г. Грозный.

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

Солнце светило. Женщины вязали из мохера. Мужчины играли в подкидного дурака. Дети плескались у берега. А нарушители плавали за буйком. Дежурный объединенного пляжа сочинских санаториев «Заря» и «Мацестинская долина» угрюмо поглядывал на эту пляжную идиллию. «Уж больно все гладко получается,— соображал дежурный,— море, песок, курортники — все само по себе. И куда ни плюнь, нигде не видно следов моего рвения».

Да и о каких следах может идти речь, когда весь рабочий день состоит из сидения на стуле и ленивой перебранки с отдыхающими насчет лежаков.

Закрыв глаза, дежурный старался представить себе все по порядку.

«Вот кончают курортники завтрак, вот уже к морю потянулись... У входа на пляж, как и положено, предъявляют ему курортные карты... А дальше... А дальше,— вздохнул дежурный,— кончается его власть. А что, если заставить их и при выходе с пляжа эти карты показывать?»

— Не предъявлять мне курортные карты будете, а сдавать при входе,— разрубая ладонью воздух, крикнул дежурный.

Сдавать — вот настоящее слово! Чего не сделает кипучая энергия, приложенная к дерзкой мысли! И вот уже, не умещаясь на столике у входа на пляж, стекает в горячий песок груда курортных книжек.

Заботливым взглядом окидывал дежурный толпу, желавшую получить назад свои курортные книжки. Иногда говорил назидательно:

— Не напирай, не напирай, все равно свою книжку сразу не найдешь!

«Человек 500 будет, а может, и все 700»,— удовлетворенно думал дежурный и ласково советовал:

— Эй, кто с солнечным ударом, попрошу под грибок!

Ему уже было весело и хорошо: власть, хотя и кратковременная, опьяняла.

Спасаясь от солнца, девять человек втиснулись под столик с курортными книжками. В толпе плакали дети, но солнце стояло в зените, поэтому даже самые полные мамы не могли дать им никакой тени.

Я стояла в толпе и смотрела на дежурного. К сожалению, я так и не узнала его фамилии: дежурный просто не удостоил меня ответом. Но это было уже неважно. Я любовалась им, и мне внезапно стала передаваться его радость по поводу наконец-то созданной гармонии. Единственно, что омрачило мою радость, прежде чем я рухнула на раскаленный песок, была мысль: «А вдруг Ксения Ивановна не сможет мне достать сюда путевку на будущий год!» Ксения Ивановна — это одна моя влиятельная знакомая, но и это неважно...

Т. ЛОСКУТОВА.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ДЕЛО БЫЛО В ТУЛУНЕ»

Сначала начальник контейнерной площадки на станции Тулун, Восточно-Сибирской железной дороги, Молчанов пребывал в хорошем настроении и предоставил семье тов. Юцефа контейнер для перевозки вещей. Но не успела обрадованная семья погрузить свои вещи, как по неизвестным причинам настроение у Молчанова испортилось, и он приказал выгрузить вещи из контейнера прямо под дождь... («Крокодил» № 22, одноименная заметка).

Редакция получила ответ от начальника Нижнеудинской дистанции погрузо-разгрузочных работ Восточно-Сибирской железной дороги тов. Бухарова. За неправильное поведение и бездушное отношение к людям тов. Молчанов с работы уволен.

«ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ...»

Так назывался фельетон А. Голуба, опубликованный в № 13 «Крокодила». В нем шла речь о грубом нарушении правил внедрения рационализаторских предложений и искажении отчетности при строительстве базы «Росхозторга» в Белгороде.

Как сообщил редакции заместитель министра торговли РСФСР тов. П. Лукьянов, факты признаны правильными. За допущенные нарушения начальник СМУ-7 тов. Воробьев понижен в должности, а главный инженер СМУ-7 тов. Гойхберг снят с работы. Тресту «Роскладторгстрой», «Росхозторгу» дано указание обеспечить строгий контроль за правильным оформлением и внедрением рационализаторских предложений.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Официант! Пожалуйста, стакан амброзии!

— Чего?

— Вы не знаете, что такое амброзия?

— Нет.

— Амброзия — это напиток богов.

— О мой бог! Я вас не узнал!

●

К психиатру является пациент.

— Я страдаю раздвоением личности,— жалуется он.— Мне кажется, что я не я, а что нас двое.

— Ничего не понимаю,— говорит доктор.— Повторите еще раз. Только сделайте милость, не говорите оба сразу.

●

Затонул теплоход.

Двое потерпевших крушение держатся на воде, ухватившись за какую-то доску. Один громко молится:

— Милосердный господи, я много грешил в своей жизни! Я был алкоголиком... Я лгал... Я обманывал женщин... Прости меня, господи! Клянусь, я больше никогда...

— Стоп! — прерывает товарищ по несчастью.— На горизонте корабль!

●

— Дети,— обратилась учительница к классу,— сегодня вечером будет полное затмение луны. Это — явление очень редкое, и я надеюсь, что все вы его посмотрите. Запомните, начало в двадцать пятнадцать.

— По какой программе: по первой или по второй? — заинтересовались ученики.

●

Судья объявляет приговор человеку, второй раз привлеченному к ответственности за то, что он обозвал своего соседа свиньей:

— Денежный штраф в размере пятидесяти крон!

— Но это слишком дорого! — возражает оштрафованный.— В прошлый раз я заплатил всего тридцать пять крон!

— Что делать,— отвечает судья,— свинина так подорожала!

●

— Откровенно говоря, хозяин, работая на вашем хуторе, я испытываю серьезные угрызения совести,— заявил батрак богатому фермеру.

— С чего бы это? — спросил фермер.

— Потому что обрекаю на безработицу двух лошадей.

Вольфганг ШТУТЦ (ФРГ)

Извлечения из правил хорошего тона

Не берите руками то, что положено брать вилкой, и вилкой то, что вообще брать не положено.

* * *

Замена штопора вилкой возможна. Замена вилки штопором также допустима, но воспитанные люди все-таки предпочитают не есть со штопора.

* * *

Чтобы не пролить в гостях вино на скатерть, снимите скатерть.

* * *

Никогда не кладите в свою тарелку еду в бо́льшем количестве, чем она может вместить. Это некрасиво.

Лучше кушайте прямо с блюда.

* * *

Никогда не ешьте натощак!

В Москве, в выставочном зале «Фитиля», открылась выставка известного венгерского художника Андраша Мессароша.

На международных выставках «Сатира в борьбе за мир» (в 1969 и 1973 гг.) посетители имели возможность познакомиться с выразительными карикатурами этого своеобразного художника. За свои работы он был награжден золотой медалью Советского комитета защиты мира и серебряной медалью Советского фонда мира.

На выставке в «Фитиле» экспонируется более шестидесяти разнообразных и остроумных листов Мессароша. А для тех, кто не сможет побывать на выставке, Крокодил устраивает этот скромный вернисаж...

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

ПАУПИКО (Испания)

ПОЧЕМУ Я СТАЛ БОЛЕЛЬЩИКОМ

— Почему я футбольный болельщик? Что за глупый вопрос! Я болею, потому что у меня есть на то четыре основных и много вспомогательных причин.

Во-первых, я нигде не могу кричать, а это мне просто необходимо. Понимаете, у меня такой организм, что время от времени ему нужен крик. Причем чтобы кричали не на меня, а чтобы кричал я. Футбольное поле для этого — самое подходящее место. Поймите: я служащий, женат на крупной, тяжелой — я имею в виду и характер и вес — женщине, довольно несимпатичной. Поэтому ли, а может быть, по какой-то другой причине, у нас шестеро детей. Целый день я работаю в тишине, я не могу сказать начальнику, что он лоботряс и что я все бы сделал намного лучше, чем он. Это ужасная несправедливость. Я сижу за простым столом в конторе. Он блаженствует в кабинете. И не потому, что умнее меня,— просто так сложились обстоятельства. И, как вы понимаете, он на меня может кричать, а я на него — нет.

Дома я тоже не могу кричать. Жена запретила. Если бы вы ее увидели, вы бы поняли, что ослушаться ее я не могу. Вы бы не стали больше спрашивать, почему я болею... Каждое воскресенье я иду на стадион, где чувствую себя человеком. Я начинаю громко говорить уже у входа и замолкаю, как только кончается матч. А какое это удовольствие — назвать судью «ослом»! Ведь в этот момент судья для меня — и шеф, и жена, и шестеро детей, и даже переполненный трамвай.

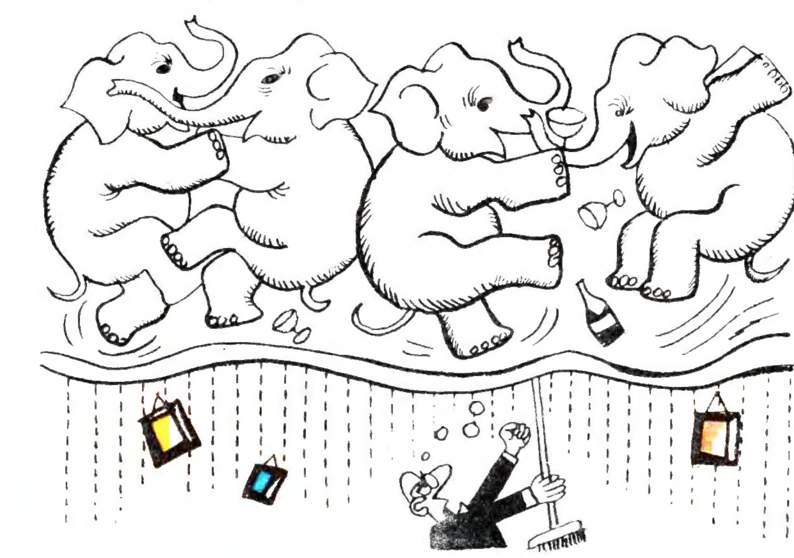
Кроме того, о чем я могу говорить с сослуживцами? Все мы ходим на футбол, и нам есть о чем поспорить. Много лет назад не было футбола, и никто о нем не говорил. Но потом в газетах начали расходовать тонны чернил, описывая цвет волос футболистов, их привычки, их тетей и дядей, их автомобили. Вы сами нас заразили. Мы уже не можем говорить ни о чем другом. Поэтому-то я болею...

Куда я могу пойти в воскресенье вечером, где бы мне за небольшую плату показали представление высшего класса? В кино очереди. В кафе скучно, да и там говорят только о футболе. Бой быков — слишком дорого. В театрах ерунда. Осенью холодно, но на стадионе я никогда не замерзаю. Мне это интересно. Поэтому я люблю футбол.

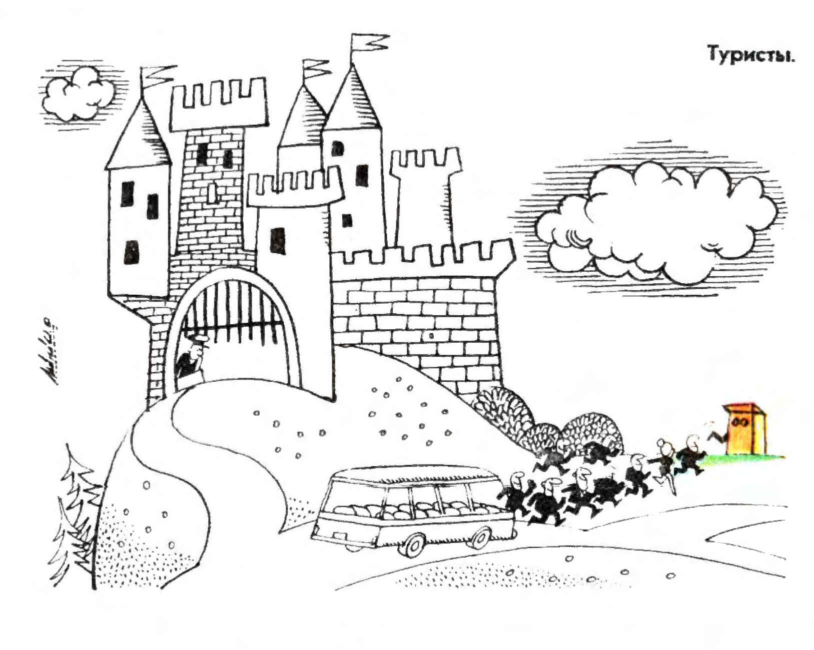
За небольшую плату я вступил в общество болельщиков, и теперь со мной даже советуются. Поэтому вы не должны критиковать нас за то, что мы ходим на футбол и кричим. Такова наша участь...

Перевела А. НЕЕМИ.

Андраш МЕССАРОШ

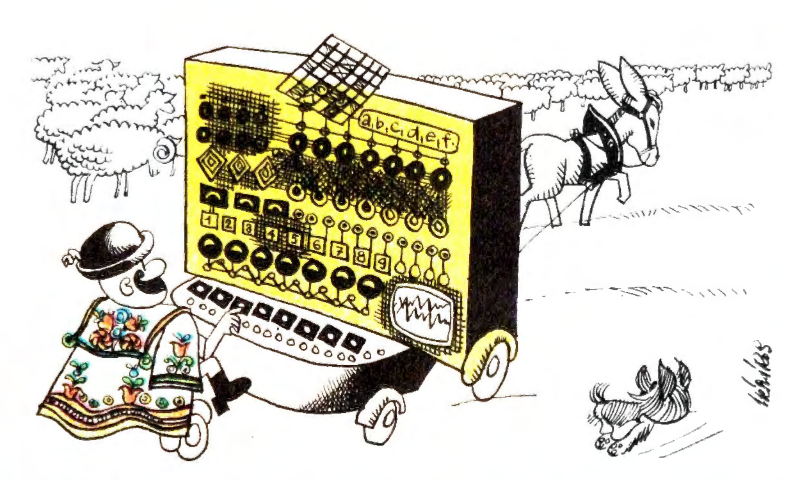


Вечеринка.



Туристы.

Организационная ошибка.



Пастух будущего.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

КРОКОДИЛ

№ 28 (2074)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, В. Владов, О. Ведерников, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Черепанов.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 18/IX 1973 г. А 02670. Подписано к печати 28/IX 1973 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л., 4,54 уч.-изд. л. Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А 47, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94. Тираж 5.550.000. (2 завод 3.371.801—3.863.050). Заказ 05012.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Народ не удержать в путах.

Рисунок Антона РЕФРЕЖЬЕ (США)